

сколькo лишен отвлеченно-идеальной бытийности; мифический образ обладает цельностью, в том числе и мифически-психологического переживания и не имеет отношения к «бесконечной сложности и противоречивости реального переживания» [Op. cit.: 398–399].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Мифологии / Пер. с франц. – М.: Академический Проект, 2008. – 351 с.
2. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж и архетип // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С.66–73
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // А.Ф. Лосев Из ранних произведений. – М.: «Правда», 1990. – С. 391–599.
5. Плотникова С.Н. Человек и персонаж: феноменологический подход к естественной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 89–105.
6. Чупина В.А. Принцип деятельности и язык. Философско-методологический анализ. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – 192 с.
7. Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 24–39.
8. Щедровицкий Г.П. Рефлексия // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа Культ. Полит., 1995. – С. 485–496.

С.А. Чугунова

ДВИЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКЕ И СОЗНАНИИ

Представление о времени является ключевым в категориальной сетке мышления и в модели мира, выстраиваемой каждой культурой [7]. Специалисты в области когнитивной метафоры заявляют, что человек пришел к осознанию времени через движение, последовательность сменяющих друг друга событий [21; 28], так как практически в любом языке мира темпоральность может выражаться метафорически в терминах пространства и движения: ср.: рус. яз. *время идет* (*летит, ползет*); англ. яз. *time flows on forever, time flies*; фр. яз. *le temps file, le temps passe vite*; нем. яз. *die Zeit fliegt, für alte Menschen vergeht die Zeit scheinbar schneller*; эстон. яз. *aeg lendab* ‘время летит’, *aeg möödub* ‘время идет’; бурят. яз. *эхи захагуй* ‘время тянется’, *углоо удэрынь болобо* ‘наступил следующий день’; яз. Chindali

(банту) *liingá yaakwáana náyini* ‘when the ninth month comes’; турец. яз. *Zaman akıp gitti* ‘Time flew and went’, *Zaman çok hızlı akıyor* ‘Time flows very rapidly’, *Gelecek elimden kaçiverdi* ‘The future escaped suddenly from my hands’. Примеры взяты нами из: [2; 8; 11; 15; 30; 43; 44; 45]; см. также таблицу с глаголами в значении ‘лететь’ на 25 языках для выражения движения, совершаемого временем, например: *The days flew past*. Таблица составлена на основе материалов, которые приводятся в [47].

Движение, перемещение играет для человека первостепенную роль, от способности воспринимать движущийся объект зависит его выживание. Метафорическое понимание времени в терминах пространства и движения обусловлено биологически: визуальная система человека способна воспринимать объекты, локализующиеся и движущиеся в пространстве, но не способна воспринимать время, чем бы последнее не являлось [15; 32]. С самого рождения младенец воспринимает мир вокруг себя как бы в потоке еще до того, как научается самостоятельно передвигаться в пространстве. Таково устройство нашего зрительного аппарата (*the optic array*), которое не зависит от культурных и географических различий [17; 18].

Таблица

Языки	Глаголы	Языки	Глаголы
Арабский	يَمُرُّ بِسُرْعَةٍ	Португальский (в Бразилии)	voar, passar voando
Венгерский	rohan	Португальский (в Португалии)	voar
Голландский	vliegen	Румынский	a trece repede
Греческий	περὶ τοῦ ἁέρος (για χρόνο)	Русский	пролетать
Датский	flyve	Словацкий	plynúť, utekať
Индонезийский	lewat	Словенский	minevati
Исландский	geysast, fljúga	Турецкий	uçar gibi geçmek
Испанский	volar, pasar volando	Финский	kiitää
Латышский	(par laiku) joņot; skriet	Французский	filer, passer vite
Литовский	skrieti, lėkti	Чешский	míjet, ubíhat
Немецкий	(ver)fliegen	Шведский	flyga
Норвежский	fly	Эстонский	lendama
Польский	mijać, uciekać		

Любопытно, но человек способен приписывать движение предметам, не претерпевающим движения на самом деле. Такое движение Л. Талми [38] назвал «фиктивным», и оно давно исследуется в психологии. Например, когда мы сидим в вагоне перед отправлением, а в это время на станцию прибывает поезд, то нам начинает казаться, что движемся мы, а другой поезд находится в покое. Подобные иллюзии получают выражение в

языке: *The road goes from London to Leeds. The fence crosses the field. The Great Wall of China zigzags its way across a subcontinent. The blackboard runs along the wall.* Объяснением здесь выступает принцип активной детерминации (*active-determinative principle*), по которому одни сущности признаются нами более активными по сравнению с другими. Так, в предложениях *The sun is shining into the cave* и *The tree threw its shadow across the valley* «солнце» и «дерево» признаются активными сущностями по сравнению с «пещерой» и «долиной», потому что эманцируют свет и, во втором случае, тень. Другими словами, и солнце и дерево ведут себя как живые деятельные начала, способные воздействовать на удаленный предмет (пещера / долина) посредством другого предмета (свет / тень), равно как человек воздействует на удаленные предметы посредством своей руки. Именно поэтому можно сказать *I have a headache coming on*, но нельзя сказать **I am approaching a headache*. Головная боль оказывается в нашем представлении более активным началом, чем даже человек, который не в состоянии справиться с недугом одним усилием воли [15].

С позиций теории когнитивной метафоры время является абстракцией, выводимой сознанием через сравнение повторяющихся событий внешнего мира. Время – результат вторичной концептуализации, в результате чего темпоральные концепты копируют структуру концептов пространства и движения вместе с языковыми выражениями последних. Так, предполагается, что метафора ВРЕМЯ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ основывается на том, что и время как последовательность событий (ибо само время есть ничто), и движение предусматривают только одно измерение. Не случайно, по-видимому, в физике время рассматривается в качестве одной из осей мироздания, хотя сегодня предпринимаются попытки обогащения Вселенной дополнительными измерениями на уровне субатомных частиц, включая дополнительные измерения времени (см. [46]).

Сторонники теории когнитивной метафоры ищут поддержку в положениях экологии зрительного восприятия Дж. Гибсона [17; 18], по которым время – иллюзия, если не поддается непосредственному наблюдению. Однако последний считал, что человек не воспринимает ни время, ни пространство. Как абстрактные категории, время и пространство равны, и оба в этом смысле вторичны. Э. Энгберг-Педерсен [14], опираясь на экологический подход, также полагает, что на этапе генезиса первичных перцептивных категорий пространство и время нераздельны, и только в результате дальнейшей интеллектуальной переработки мы мыслим о них в отдельности, но в основе обоих – восприятие изменения или отсутствия такового. По результатам своих экспериментов Дж. Гибсон заключает, что все, что мы воспринимаем, это текстурные поверхности и их изменения (события) в среде, которая ригидна и неизменна [17].

Феноменологический взгляд на природу темпоральности не отрицает значения внешней среды, но настаивает на том, что темпоральный опыт нельзя рассматривать как результат концептуализации продуктов внешнего

сенсомоторного опыта. Темпоральный опыт, внутренний, субъективный, предшествует концептуализации так же, как и внешний сенсомоторный. Другое дело, что нейронно-физиологический механизм (*перцептуальный момент*), позволяющий связывать разномодальную информацию о стимуле в целостный перцепт и далее связывать текущий и предшествующий, а также прогнозируемый перцепты в единый континуум восприятия, возник как отклик, реакция организма на взаимодействие с опасной и полной неожиданностей внешней средой. Вот почему когнитивные модели темпоральности структурируют в себе продукты сенсомоторного опыта индивида. Однако такое допущение не идет вразрез с внутренним происхождением темпоральности. Психологи много пишут о том, что человек способен прямо и буквально ощущать длительность (*duration*) и одновременность (*simultaneity*), причем независимо от восприятия внешних изменений, т.е. движения, благодаря чему формируется концепт времени. Эти ощущения тесно связаны с физиологическими процессами в визуальном отделе коры головного мозга (*visual cortex*) и других его участках. Когнитивная метафора не объясняет, откуда берутся эти ощущения [15].

Темпоральный опыт перерабатывается в концепты (*response concepts*) и более сложные интегративные сущности – когнитивные модели темпоральности. На примере прежде всего английского языка В. Эванс [15] выделяет три когнитивные модели темпоральности, построенные на метафоре движения: «модель движущегося времени» (*the Complex Moving Time model*), «модель движущегося Эго» (*the Complex Moving Ego model*) и «модель временной последовательности» (*the Complex Temporal Sequence model*). Различение метафор «движущегося времени» и «движущегося Эго» началось с работы [13]. Дж. Лакофф [20] обозначил их как TIME PASSING IS MOTION OF AN OBJECT (moving time) и TIME PASSING IS MOTION OVER A LANDSCAPE (moving Ego) соответственно, считая их случаями общей метафоры – TIME PASSING IS MOTION. Метафора «движущегося времени» построена на ассоциации времени (временных событий) с движущимся объектом. Она, как правило, предполагает неподвижного наблюдателя в качестве дейктического центра, относительно которого совершается движение: *Time flows by* (см. рис. 1 – этот рисунок и последующие составлены на основе рисунков в работах [15; 32] и переработаны мной – С.Ч.). На рисунке темпоральные события (время) изображены в виде темных движущихся квадратов; движение отображается стрелкой. В метафоре «движущегося Эго» дейктическим центром является само время (временное событие); при этом время ассоциируется с неподвижными вехами, верстами, относительно которых субъект осуществляет движение: *We are getting close to the start of the school year* [28] (см. рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

Метафорическое представление временных событий как внешних объектов приводит к тому, что человек в качестве дейктического центра ассоциирует настоящее с собой и с тем, что рядом, поскольку тело человека – это не просто объект, это центр мира [25]. Находясь в движении, смотрящий вперед индивид воспринимает рельеф, который нужно преодолеть, который он уже преодолел, если поворачивает голову назад, и положение посередине, в себе, т.е. *здесь*. Отсюда ощущения *здесь* и *сейчас* совпадают; прошлое, которое он видел и знает, оказывается у него за спиной (*That was way back in 1900*), а будущее, предвкушаемая цель, локализуется перед его взором (*I look forward to seeing you*) [15; 17; 32].

В отличие от моделей «движущегося времени» и «движущегося Эго», предполагающих обозревателя или в качестве дейктического центра, или в качестве движущегося начала, «модель временной последовательности» (см. рис. 3) исключает Эго, и точкой отсчета для одного события (времени) становится другое событие (время).

Рис. 3

Таким образом, разные события оцениваются относительно друг друга: *Tuesday follows Monday*. Особо подчеркивается, что, не являясь эгоцентри-

ческой, эта модель исключает формирование высоко дейктических концептов «сейчас», «будущее» и «прошлое». Пространственный опыт «впереди» перерабатывается в темпоральный концепт «раньше», а «позади» – в «позже»: *Greenwich Mean Time is lagging behind the scientific standard time*. Поэтому здесь важны только отношения «раньше / позже чем» [15]. Эта модель фигурирует в литературе и как *Time-Reference-Point metaphor* [28]. Авторы последней из названных работ – представители теории когнитивной метафоры – объединяют первые две модели в *Ego-Reference-Point metaphor*. Обосновывая значимость точки отсчета (*Reference Point*) для изучения метафоры времени, они настаивают, что не столько важно понять, что именно движется, важнее понять, относительно чего. Отличие интерпретации В. Эвансом [15] состоит в том, что его «модель временной последовательности» строится не на копировании последовательности внешних событий или объектов в пространстве, а на концептуально базовом опыте внутренних темпоральных событий – перцептуальных моментов, которые память способна и связывать и различать. То, что сохраняемые в памяти как последовательные перцептуальные моменты коррелируют с внешними геометрическими (пространственными) последовательностями, не должно означать, что темпоральность копирует пространственность.

Итак, мы видим, что время может ассоциироваться с движущимся объектом относительно субъекта / наблюдателя и независимо от него. По уверению исследователей, этот тип концептуальной метафоры не следует рассматривать как свидетельство «вне(без)телесного» типа мышления. Наблюдая объекты действительности, например, цепочку муравьев, в которой следующие впереди насекомые прибывают к месту назначения раньше, чем те, что следуют в конце цепочки, человек не встраивает в эту сцену себя и делает выводы, игнорируя собственное положение. И точно так же, наблюдая и/или представляя перед собой последовательности неодушевленных объектов (включая временные события), лишенных асимметричной оси «перед-зад», человек, тем не менее, приписывает им ту же ориентацию. Следовательно, и данный тип мышления является глубоко человеческим и глубоко телесным [28].

В этой связи необходимо подчеркнуть, что, несмотря на кардинальное различие во взглядах на вопрос о происхождении времени, сторонники феноменологического подхода и теории концептуальной метафоры единодушны в признании фундаментальной роли тела как основного источника большинства перцептуальных и концептуальных структур. Оба подхода во многом опираются на теорию мышления М. Мерло-Понти, который одним из первых в наше время обратил внимание на первичность корпорального опыта и участие последнего во всех психических процессах, включая речевую деятельность, хотя, как указывает А.А. Залевская, «реальная роль тела не утрачивалась никогда и ни в каких культурах, она лишь игнорировалась в теоретических описаниях языка» [5: 246]. Многочисленные факты из разных языков наглядно демонстрируют, что самыми востребованными у темпо-

ральной концептуальной области оказываются корпоральные отношения «перед–зад» [16]. Это обусловлено анатомией человеческого тела, навязывающего миру свою асимметричность, которой он не обладает, в отличие от оси «верх–низ» – здесь асимметричность тела совпадает с асимметричностью самого мира как результата гравитации. Что же касается корпоральных пространственных отношений «лево–право», то в них не усматривается очевидной асимметричности ни с точки зрения строения тела, ни с точки зрения внешнего мира [41]: «across languages, the spatial terms imported to talk about time are also one-dimensional, directional terms such as ahead / behind or up / down rather than multidimensional or symmetric terms such as narrow / wide or left / right» [10: 4]. Возможно поэтому эта ось оказывается самой незначимой при концептуализации темпоральных отношений, о чем и свидетельствует отсутствие соответствующих языковых выражений. Однако, скорее, причиной является невозможность или противоестественность для живого организма, и, прежде всего, человека, совершать движение по этой оси – «лево–право. Естественная траектория движения человека – вперед, однако ему не редко случается испытывать и вертикальное движение, не говоря о том, что для наших генетических предков, приматов, этот способ передвижения был несомненно доминирующим.

На наш взгляд, можно условно считать выделенные модели темпоральности универсальными концептуальными схемами, направляющими языковое поведение индивида, понимая при этом, что могут существовать (и существуют) определенные межкультурные различия в их структуре и уж тем более наполнении. Если перефразировать высказывание В.И. Карасика [6: 89], темпоральность – это та смысловая область, которая, с одной стороны, подвержена универсализации, ибо практически каждое предложение в большинстве языков мира располагает грамматическими и/или лексическими средствами, указывающими на времянахождение описываемого события (пространственный и причинный аспекты ситуации таким обязательным языковым статусом не располагают) [33], а с другой стороны, проявляет самобытность. «Различие между культурами в общем и целом носит неслучайный характер, оно обусловлено комплексом причин, которые могут быть сгруппированы в три класса: исторические, географические и психологические» [6: 91].

Так, в работе Л. Бородицки [10] описываются эксперименты, позволяющие заключить, что носители английского и китайского языка мандарин (Mandarin) не только говорят, но и думают о времени по-разному. Англоговорящие предпочитают говорить о времени, представляя его в горизонтальной плоскости, носители мандарина – в вертикальной: ср. *māo shàng shù* ‘cats climb trees’ / *shàng ge yuè* (‘last/previous month’); *tā xià le shān méi yǒu* ‘has she descended the mountain or not?’ / *xià ge yuè* ‘next / following month’.

Следует отметить, что в то же время и в том, и другом языке встречаются нехарактерные для них корпоральные отношения, т.е. оси

«верх–низ» в английском и «перед–зад» в мандарине: ср. *hand down knowledge from generation to generation / the meeting was coming up*; *zài zhuōzi qián-bian zhàn-zhe yī ge xuésheng* ‘there is a student standing in front of the desk’ / *hǔ nián de quán yī nián shì shénme nián?* ‘what is the year before the year of the tiger?’; *zài zhuōzi hòu-bian zhàn-zhe yī ge lǎoshī* ‘there is a teacher standing behind the desk’ / *dàxué bìyè yǐ-hòu wǒ yòu jìn le yánjiūyuàn* ‘after graduating from university, I entered graduate school’. Обращает на себя внимание тот факт, что при передаче нетипичных отношений в приведенных примерах из мандарина используется статичная концептуальная модель, или схема, тогда как при выражении типичных вертикальных – модель, построенная на метафоре движения.

Один из проведенных Л. Бородицки экспериментов показал, что китайцы продолжают представлять время приведенным выше образом, даже переходя на английский язык: они быстрее произвели утверждение *March comes earlier than April* в том случае, если перед этим им демонстрировали вертикальную последовательность объектов, и медленнее, если горизонтальную; эксперимент с носителями английского показал обратную зависимость. (Общаясь на испанском, представители народа аймара (Аумага), проживающие высоко в Андах, имея в виду прошлое, все равно указывают перед собой и машут назад через плечо, имея в виду будущее [27].) Вместе с тем другой эксперимент с китайцами-билингвами выявил прямую взаимосвязь между степенью вертикального темпорального мышления и возрастом обучения второму языку (английскому). На следующем этапе носителей английского обучали «вертикальным» выражениям времени на манер мандарина, после чего испытуемые продемонстрировали способность думать о времени в нетипичной для них вертикальной плоскости. Экспериментальные данные побудили автора сделать выводы о том, что, во-первых, язык является мощным средством, детерминирующим мышление индивида, во-вторых, не следует преувеличивать фактор влияния родного языка, несмотря на ту огромную роль, которую он оказывает на привычный образ мыслей его носителей. Второй вывод опровергает теорию лингвистической относительности, которую, прежде всего, связывают с именем Бенджамина Ли Уорфа (см. также [6: 100–101]).

Приведем еще один пример лингвокультурных несоответствий, но несколько в ином ракурсе. Языковеды сходятся на том, что представление времени в конкретном языке, кроме прочего, зависит от своеобразия категориального кластера глагола [6: 184]. Так, в английском языке внутреннее ощущение длительности, которое имеет высоко субъективный характер, так как мы по-разному оцениваем длительность одного и того же события в зависимости от ряда факторов: знакомства со стимулом, сложности задачи, эмоционального напряжения, состояния ожидания, скуки, шока (*it only took about ten or fifteen seconds for us to hit, but it certainly felt like ten or fifteen minutes*) и т.д., манифестируется в языке с

помощью соответствующих глаголов движения. Например, лексический темпоральный концепт «длительность» лексемы *time*, учитывающий субъективное ощущение затянутой длительности (*protracted duration*), выражается с помощью таких глаголов способа движения, как *move slowly, drag, crawl* и т.д.: *time seemed to be dragging*, ощущение статичности – с помощью таких глаголов, как *stand still, stop, freeze: time stood still*, ощущение ускоренной длительности (*temporal compression*) – таких глаголов, как *move fast, fly, whizz, zoom: time sneaked by*, или *disappear, vanish, has gone: time has passed*. В последнем случае темпоральный концепт перерабатывается в терминах движения, которое больше не воспринимается. Но не только лексический концепт «длительности» манифестируется в языке в терминах движения. Время как «темпоральная матрица» находит выражение с помощью глаголов неограниченного движения *flow, run, pass, move on, go on* и т.д.: *time flow on forever*. Время, представляемое как «темпоральный момент» или «темпоральное событие», перерабатывается в соответствующий лексический концепт и передается глаголами дейктического движения *come, arrive, approach, get closer, move up on: the time for action has arrived; the young woman's time (=childbirth) approached* [15: 72].

Сопоставляя глаголы движения, используемые в метафорическом значении, в том числе в метафоре TIME AS A MOVING ENTITY, на материале английского и турецкого языков, автор исследования [30] приходит к выводу, что носители английского языка опираются на более сложную и детализированную репрезентацию времени как движущейся сущности в своем сознании, чем носители турецкого языка. Концептуальная составляющая первых оказывается более насыщенной нюансами темпорального опыта: *time creeps / crawls / drags*. Исследователь основывает свой вывод на фактах языка, собранных им из литературы и из непосредственных опросов взрослых и детей. В отличие от английского, турецкий язык не демонстрирует большое разнообразие оттенков способа движения. При этом автор опирается на типологию языков Л. Талми [39; 40], который, признавая в качестве доминантного признака претерпевающего движение события направление движения от источника к цели (*path of motion*), предложил разделить все языки на две группы. В первой группе языков (*verb-framed languages*) этот доминантный признак движущегося события – направление движения – передает, как правило, только семантика глаголов (*exit, ascend, enter*), во второй группе (*satellite-framed languages*) этот признак могут передавать частицы и/или префиксы: *go out, go up, go in*. Сразу оговоримся, что к первой группе языков, кроме турецкого, были отнесены семитские, романские, японский, корейский, баскский языки, а также язык глухонемых американцев и голландцев. Во вторую группу, кроме английского, вошли все германские, славянские и финно-угорские языки [35; 37]. Действительно, что касается русского языка, то мы видим, что направление движения выражается в нем с

помощью приставки (*выйти, войти, войти*), хотя кроме приставки используется еще и предлог: *выйти из дома, войти в дом*.

Далее, кроме направления движения, т.е. признака, который обязательно выражается в языке (*he went into / entered the room*), возможна передача еще одного признака – способа движения (*manner of motion*): *he crawled into the room*. В этом случае семантика глаголов таких языков, как английский и, следовательно, русский (*S-languages*), передает именно способ действия, а направление движения выражается частицей и/или префиксом: *он вполз в дом*. Такие языки, как турецкий (*V-languages*), при необходимости выразить признак способа действия (движения) вынуждены использовать придаточные глагольные конструкции, поскольку основной глагол выражает только направление движения, а это осложняет синтаксис. В результате информация о способе движения в речи зачастую опускается. Например, вместо того, чтобы сказать нечто вроде *he entered the house by running (eve koşarak girdi)*, носитель турецкого языка скажет просто *he entered the house (eve girdi)*. Отсюда неудивительно, что в языках группы *S* обнаруживается богатая парадигма глаголов движения, выражающих нюансы способа движения. В цитируемой работе [30] приводятся списки глаголов, семантизирующих признак способа движения, полученные в результате выборки из художественной литературы и прессы обоих языков (ср.: англ. 145 vs. турецк. 41), а также непосредственного общения с их носителями (ср.: англ. 95 vs. турецк. 34). Как указывается в [6: 182], содержательная категория грамматикализуется только при наличии достаточно представительной лексической опоры в языке, при этом условием грамматикализации выступает плотность наименования определенного признака, во-первых, и дифференциация характеристик этого признака, во-вторых. В связи с этим следует сказать, что признак образа движения в языке несет не только глагольная семантика, его выражают и другие части речи, такие как наречие и прилагательное. Нельзя сказать, что турецкий язык совсем не располагает такими возможностями, однако английский язык использует их намного чаще и ярче (ср.: наречия: англ. 98 vs. турецк. 68; прилагательные: англ. 31 vs. турецк. 10) [30].

Все сказанное распространяется и на выражение в турецком языке времени, ассоциируемого с движущимся объектом [30]. Информация, полученная нами от информанта из Турции (мы просили перевести несколько метафорических выражений с русского на турецкий), это подтверждает. Приведем некоторые примеры: *Время идет (Zaman 'время' gidiyor 'идет')*, *время бежит (Zaman *koşuyor ('бежит'))* – по-турецки так не говорят, как не говорят *время летит (zaman *uçuyor)*, но можно сказать *zaman su gibi akıp gidiyor* 'время течет, как вода'. Последний пример хорошо иллюстрирует тот факт, что признак образа движения (*течет*) передается другими языковыми средствами, а именно словоформой *akıp*, включающей глагол *ak* ('течь'), а основной глагол не изменяется: *gidiyor* ('идет').

Небезынтересно, что типология Л. Талми [39; 40], основанная на выделенных признаках движения, вероятно, не является исчерпывающей. Так, Д.

Слобин [36] предлагает еще одну группу языков: *equipollently framed languages*, которую он разделяет на *serial-verb languages* (Niger-Congo, Hmong-Mien, Sino-Tibetan, Tai-Kadai, Mon-Khmer и австронезийские) и *bipartite-verb languages* (Algonquian, Athabaskan, Hokan, Klamath-Takelman, Jaminjungan) [30: 242].

Обусловленность мышления структурами языка остается спорным вопросом языковедения, психолингвистики и в целом когнитивной науки; это же касается мышления в терминах пространства и движения. Есть исследования, которые демонстрируют межкультурные различия при выполнении испытуемыми заданий по пространственной ориентировке [22], установлению пространственных связей [12], запоминанию движущихся событий [29], и таким образом поддерживают положения теории лингвистической относительности, о которой здесь уже шла речь. Другие ученые настаивают, что мышление не зависит от языковых вариаций, и это показывают экспериментальные исследования по изучению пространственной ориентировки [23], запоминанию движущихся событий [31]. Как замечает В.И. Карасик [6: 101], «... истина находится посередине. Язык не отражает мир, а интерпретирует его». Мы же, со своей стороны, хотим подчеркнуть, что темпоральность, как, впрочем, и пространство вокруг субъекта, глубоко корпоральна. Человек в своих образах навязывает миру архитектонику своего тела. Конечно, нельзя не согласиться с тем, что понимание времени не может не быть обусловленным культурой и языком (и сопоставление многочисленных языковых фактов это всегда наглядно демонстрирует), ибо «представление человека о времени формировалось на основе его практической и познавательной деятельности», которая всегда несла в себе национально-специфические черты, обусловленные историческими, религиозными, природно-географическими, социально-бытовыми особенностями [3: 8–9]. Однако прежде всего эта обусловленность общечеловеческая, биологическая, и лингвокультурный опыт в этом смысле всегда только вторичный.

Проведенный нами обзор литературы, посвященный проблеме концептуализации времени в различных лингвокультурах, и который подробно освещается в предыдущих работах (см., например, [9]), позволил выделить и условно изобразить ряд концептуальных моделей темпоральности, которые в определенном смысле можно считать вариантами представленных выше когнитивных моделей темпоральности, рассматриваемых нами на данном этапе нашего исследования в качестве базовых (см. рис. 4–11). Сразу оговоримся, что модель циклического времени, отображающая опыт восприятия повторяющихся событий, движение небесных светил, с которыми в древности зачастую связывали понятие времени, что, собственно, и лежит в основе идеи о реинкарнации, в свою очередь, также может быть проиллюстрирована предыдущими моделями. Если перефразировать небезызвестную апорию «Стрела» Зенона (см.: [1: 13]), время состоит из неких единиц, оно делится, следовательно, мы можем вообразить себе малый отрезок времени, отграниченный кусочек цикла, который на этой малой протяженности есть не кри-

вая круга, а прямая линия. Путь-окружность содержит в себе линейную топонику в том смысле, что на каждой точке окружности путешественник видит перед собой линейную горизонтальную плоскость и движется по ней [27].

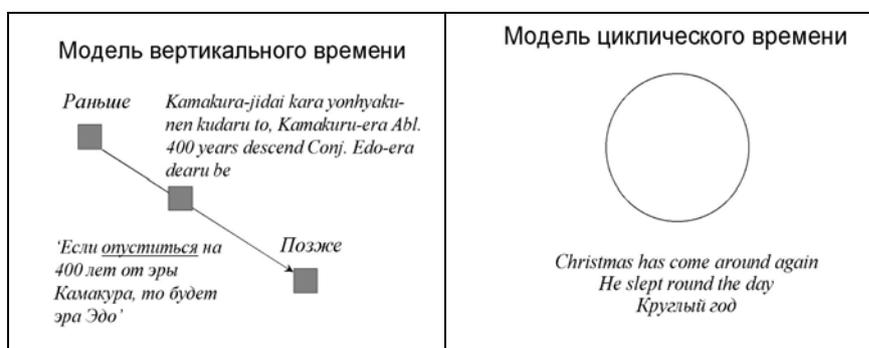

Рис. 4

Рис. 5

Рисунки 4–6 отображают «модель временной последовательности», варианты которой были выявлены на материале различных языков. Примером циклического времени может служить календарь практически любого народа, отражающий движение небесных светил. Таким образом, мы видим, что в представлении человека время может совершать движение по кругу или по прямой, это движение может быть как горизонтальным, так и вертикальным. Концептуализация наблюдателя, субъекта, в этих моделях мало что меняет в рисунке движения (см. рис. 7–9).

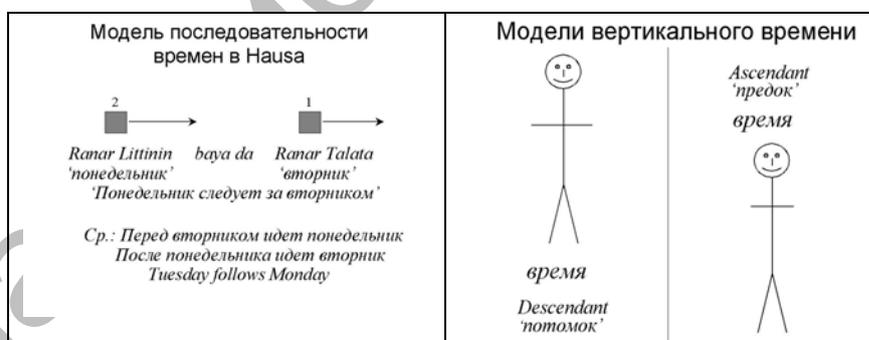

Рис. 6

Рис. 7

Время (или субъект) движется вертикально (рис. 7), и оказывается выше или ниже субъекта (или времени): ср. бурят. яз. *арбан наһа дээшэ ябаха* 'старше на десять лет' (букв. *быть выше на десять лет*), *даб дээрэ* 'сейчас' (букв. *сверху данного действия*), *дээр дээрэнэй* 'непрерывно, без остановок'

(букв. *наверх сверху*), энэ доро ‘сразу, тотчас’ (букв. *под этим*); китайс. яз. *shànyuè* ‘прошлый месяц’ (букв. *верхний месяц*), *xiàyuè* ‘следующий месяц’ (букв. *нижний месяц*), яп. яз. *ita kara sanbyaku-ni sakanobori, Edo-jidai dearu now Abl. 300-years ascend-back Conj. Edo-era be* ‘Эра Эдо была 300 лет назад’ (букв. *Если подняться на 300 лет от сейчас, то будет эра Эдо*); англ. яз. *This tradition has lasted down to the present day. The new year is coming up. That's up in the future* [2; 15; 26; 32; 34; 42]. Предполагается, что в основе вертикальной концептуализации времени лежит механизм эмпирической корреляции: когда мы ложимся на живот и движемся вперед, наша голова оказывается впереди, как и у большинства других животных, в то же время голова ассоциируется у нас с верхом [42].

В модели америндейского языка Toba (см. рис. 8) время движется не только по кругу относительно субъекта, но и так, что прошлое оказывается перед ним, а будущее позади [19; 32]. По сведениям специалистов, большинство современных языков обнаруживают именно такую концептуальную картину времени. В то же время имеется ряд языков, в основном архаичных, обнаруживающих обратную концептуализацию времен – с будущим позади и прошлым впереди (см. рис. 8, 10); есть также данные о концептуализации будущего позади в культуре Древнего Египта. По мнению Е.А. Бардамовой [2], в древней системе мироздания человек двигался по вектору времени, как бы повернувшись к будущему спиной, в отличие от современного человека, обращенного в будущее: ср. бурят. яз. *урда жэ-лынъ* – ‘в прошлом году’ (букв. *впереди году*), *урданай саг* – ‘в старину’ (букв. *в передние годы*); яз. аймара *пауга* – ‘прошлое’ (букв. *перед, глаз*), *пауга тирпи* – ‘прошлое время’ (букв. *eye time, время перед глазами*), *пауга тара* – ‘прошлый год’ (букв. *год впереди*), *q’ира* – ‘будущее’ (букв. *зад, спина, сзади*), *q’ипи ири* – ‘завтра’ (букв. *back day, день за моей спиной*). Такая концептуализация, как правило, объясняется тем, что прошлое человек видел и знает, а будущее – нет [2; 15; 27; 28; 32].

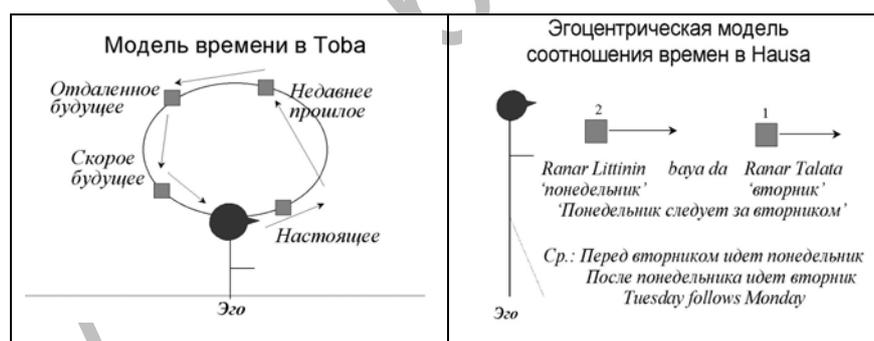

Рис. 8

Рис. 9

[4] настаивает, что для строгости использования научной терминологии термин «концепт» следовало бы применять только когда речь идет о концепте как достоянии индивида. Наш эксперимент четко показывает, что концепт как достояние живого человека не сводим ни к концепту – инварианту как продукту социальных взаимодействий и общения, ни тем более к конструкту как продукту научного описания, получаемому в результате препарирования материи языка, абстрагированной от его носителей (см.: [5: 244]).

Кроме того, у нас есть основания усомниться в валидности «модели временной последовательности» как не учитывающей субъекта, т.е. неэгоцентрической, хотя, как утверждают авторы, не менее «корпоральной», чем эгоцентрические когнитивные модели темпоральности. Согласно положениям теории мышления М. Мерло-Понти в продолжение феноменологическим установкам Э. Гуссерля, ни тело субъекта, ни внешние объекты не могут рассматриваться только в терминах точек на горизонте или фигур на фоне независимо от ориентировки пространства тела. Утверждение, что фигура располагается на фоне чего-то, имеет значение только в контексте положения тела субъекта. «Когда я говорю, что “этот объект на столе”, я всегда мысленно полагаю себя столом или объектом. Другими словами, в таком контексте всегда три пространственных объекта. Без антропологического фактора слово “на” не отличишь от слова “под” или “около» [24]. Точно так же, и мы уже писали об этом (см. [9]), если отвлечься от думающего, переживающего и пристрастного субъекта, как предлагают авторы работ [15; 28], должно быть абсолютно не важно: *вторник (следует) за понедельником* или *понедельник – за вторником*, *зима перед весной* или наоборот. Другое дело, что на поверхностном языковом уровне разница между высказываниями типа *Christmas is coming* и *Christmas is before the New Year* (по григорианскому календарю) вполне очевидна. В первом примере глагол (*to come*), являясь дейктическим, предполагает наблюдателя, эго, а во втором примере мы имеем дело лишь с двумя темпоральными событиями, выстроенными в определенную последовательность. Наблюдатель, казалось бы, отсутствует, и только примеры из других языков, как в случае с западно-африканском языком Nausa (см. рис. 9), манифестирующих обратную концептуализацию времени, позволяют его почувствовать.

Таким образом, мы видим, что каждый конкретный язык действительно интерпретирует этот мир по-своему, исходя из собственных внутриязыковых законов, и это невозможно отрицать. Бесспорно и то, что каждое конкретное мышление, осваивая язык очень рано в своей жизни, не может не испытывать влияния структур своего языка. Но так ли эта призма непроницаема? Так ли всеислен собственно языковой опыт? Однако есть всеисильный фактор, до-разумный, отбросить который субъект не в состоянии – это власть его тела, его внутреннего опыта, обусловленного нейрофизиологическими процессами, и которая, насколько нам известно, не зависит от вариаций языковых структур. Нейрофизиологическая основа темпоральности, бесспорно,

объясняет причину повсеместности языкового времени, так же, как корреляция внутреннего и внешнего (пространственного) опыта объясняет, почему темпоральность практически во всех языках выражается с помощью метафоры ВРЕМЯ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов Г.П. Причина времени. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 304 с.
2. Бардамова Е.А. Время в бурятской языковой картине мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Сб. науч. тр. – Архангельск: Поморский государственный университет, 2007. – Вып. 3. – С.113–119.
3. Дмитриук С.В. Этнокультурная специфика образа времени в языковом сознании русских, казахов и англичан: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 22 с.
4. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С.5–8.
5. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – С.234–244.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
7. Мищенко С.В. Метафоризация мифологизированного времени в различных лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 15 с.
8. Русско-эстонский словарь // <http://poliglos.info/dict/dfind.php>
9. Чугунова С.А. Что раньше – чистый четверг или страстная пятница? // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. – Вып. 7. – С.141–151.
10. Boroditsky L. Does language shape thought?: Mandarin and English speakers' conceptions of time // *Cognitive Psychology*. – 2001. – Vol. 43. – № 1. – Pp.1–22.
11. Botne R. Cognitive schemas and motion verbs: Coming and going in Chindali (Eastern Bantu) // *Cognitive Linguistics*. – 2005. – Vol. 16. – № 1. – Pp.43–80.
12. Bowerman M. & Choi S. Shaping meanings for language: Universal and language specific in the acquisition of spatial semantic categories // M. Bowerman & S. C. Levinson (Eds.), *Language Acquisition and Conceptual Development*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – Pp.475–511.
13. Clark H. Space, time, semantics and the child // T. Moore (Ed.), *Cognitive development and the acquisition of language*. – New York: Academic Press, 1973. – Pp.27–63.
14. Engberg-Pedersen E. Space and time // J. Allwood & P. Gärdenfors (Eds.), *Cognitive Semantics: Meaning and cognition*. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 1999. – Pp.131–152.
15. Evans V. The structure of time: Language, meaning, and temporal cognition. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2004. – 286 p.
16. Gentner D., Imai M. & Boroditsky L. As time goes by: Evidence for two systems in processing space→time metaphors // *Language and Cognitive Processes*. – 2002. – Vol. 17. – № 5. – Pp.537–565.

17. Gibson J. Events are perceivable but time is not // J.T. Fraser & N. Lawrence (Eds.), *The study of time II*. – New York, NY: Springer-Verlag, 1975. – Pp.295–301.
18. Gibson J. *The ecological approach to visual perception*. – Boston: Houghton Mifflin, 1979. – 332 p.
19. Klein H.E.M. The future precedes the past: time in Toba // *Word*. – 1987. – Vol. 38. – Pp.173–185.
20. Lakoff G. *The contemporary theory of metaphor* // A. Ortony (Ed.), *Metaphor and thought* (2nd ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – Pp.202–251.
21. Lakoff G. & Johnson M. *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought*. – New York, NY: Basic Books, 1999. – 624 p.
22. Levinson S., Kita S., Haun D. & Rasch B. Returning the tables: Language affects on spatial reasoning // *Cognition*. – 2002. – Vol. 84. – Pp.155–188.
23. Li P. & Gleitman L. Turning the tables: Language and spatial reasoning // *Cognition*. – 2003. – Vol. 83. – Pp.265–294.
24. Manjali F.D. On the spatial basis of conceptual metaphors // *Texto !* December 1996 [online] <http://www.revue-texto.net/Inedits/Manjali_Metaphor.html>
25. Manjali F.D. *Metaphor and space* // H.S. Gill (Ed.), *Signification in Language and Culture*. – Shimla: Indian Institute of Advanced Study, 2002. – Pp.233–250.
26. Moore K.E. *Spatial experience and temporal metaphors in Wolof: Point of view, conceptual mapping and linguistic practice: Doctoral dissertation*. – U.C. Berkeley, 2000.
27. Núñez R. & Sweetser E. With the future behind them: Convergent evidence from Aymara language and gesture in the crosslinguistic comparison of spatial construals of time // *Cognitive Science*. – 2006. – Vol. 30. – № 3. – Pp. 401–450.
28. Núñez R., Motz B. & Teuscher U. Time after time: The psychological reality of the Ego- and Time-Reference-Point distinction in metaphorical construals of time // *Metaphor and Symbol*. – 2006. – Vol. 21. – № 3. – Pp.133–146.
29. Oh K. *Language, cognition and development: Motion events in English and Korean: Doctoral dissertation in Psychology, University of California at Berkeley, 2003*.
30. Özçalışkan Ş. Metaphor meets typology: Ways of moving metaphorically in English and Turkish // *Cognitive Linguistics*. – 2005. – Vol.16. – № 1. – Pp.207–246.
31. Papafragou A., Massey C., & Gleitman L. 2002 Shake, rattle, ‘n’ roll: The representation of motion in language and cognition // *Cognition*. – 2002. – Vol. 84. – Pp.189–219.
32. Radden G. The metaphor «Time as Space» across languages // N. Baumgarten, C. Böttger, M. Motz & J. Probst (Eds.), *Übersetzen, Interkulturelle Kommunikation, Spracherwerb und Sprach-vermittlung – das Leben mit mehreren Sprachen. Festschrift für Juliane House zum 60. Geburtstag, Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht* [Online]. – Mei, 2003. – Jahrgang 8. – № 2/3. – S.226–239. Verfügbar: <http://www.ualberta.ca/~german/ejournal/Radden.pdf>.
33. Radvansky G.A., Zwaan R., Federico T. & Franklin N. Retrieval from temporally organized situation models // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory & Cognition*. – 1998. – Vol. 24. – № 5. – Pp.1224–1237.
34. Shinohara K. & Matsunaka Y. Spatial cognition and linguistic expression: Empirical research on frames of reference in Japanese // F.J. Ruiz de Mendoza Ibáñez (Ed.), *Annual Review of Cognitive Linguistics*. – 2004. – Vol. 2. – Pp.261–283.

35. Slobin D. Mind, code and text // J. Bybee, J. Haiman & S.A. Thompson (Eds.), Essays on language function and language type: Dedicated to T. Givón. – Amsterdam: John Benjamins, 1997. – Pp.437–467.
36. Slobin D. Language and thought online: Cognitive consequences of Linguistic relativity // D. Gentner & S. Goldin-Meadow (Eds.), Language in mind: Advances in the investigation of language and thought. – Cambridge, MA: MIT Press, 2003. – Pp.157–191.
37. Slobin D. The many ways to search for a frog: Linguistic typology and the expression of motion events // S. Strömquist & L. Verhoeven (Eds.), Relating events in narrative: Typology and contextual perspectives. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – Pp.219–257.
38. Talmy L. Fictive motion in language and “ception” // P. Bloom, M. Peterson, L. Nadel & M. Garrett (Eds.), Language and space. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996. – Pp.211–276.
39. Talmy L. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // T. Shopen (Ed.), Language typology and semantic description, Vol. 3: Grammatical categories and the Lexicon. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – Pp.36–149.
40. Talmy L. Toward a cognitive Semantics. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
41. Tversky B. Functional significance of visuospatial representations // P. Shah & A. Miyake (Eds.), Handbook of higher-level visuospatial thinking. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – Pp.1–34.
42. Yu N. The contemporary theory of metaphor: A perspective from Chinese. – Amsterdam: John Benjamins, 1998. – 278 p.
43. www.tagesanzeiger.ch
44. www.turkish-talk.com
45. www.actuelledc.com
46. http://rnd.cnews.ru/natur_science/news/top/index_science.shtml?2007/05/18/250719
47. <http://dictionary.reference.com/languages?db=languages&lang=EN&continue>